

РЕЦЕНЗИИ

*Цыганков Д.**

Дома новы, но предрассудки стары

Исследование А. Здравомыслова, посвященное социальному конструированию образа России и русских в Германии,¹ как бы подводит итог полутора десятка лет новой великой дружбы между обеими странами. Ее начало можно датировать переуступкой М.Горбачевым обанкротившегося ЗАО «ГДР» в пользу успешного АО «ФРГ» (включая время «предпродажной подготовки»), а своего пика она достигает в речи президента В.Путина в Бундестаге объединенной Германии в сентябре 2001 г.

Интересно, что весь массив интервью (в большинстве своем – с представителями академического мира Германии) был проведен летом 2000 г. (возможно, нижней точкой в динамике отношений вышеозначенного периода). Тогда, после стремительного взлета В.Путина во власть, по свидетельству гамбургской подруги Людмилы Путиной Ирен Питч («Деликатная дружба», Вена 2001), «когда уже почти не оставалось сомнений – во всяком случае перед выборами, – в том, что он вскоре станет президентом, в западных средствах массовой информации началась невиданная травля Путина. Я слышала и читала чудовищные вещи об этом человеке, которого никто из авторов всей этой клеветы не знал и не мог знать. Я слышала, как всевозможные комментаторы в ток-шоу перемалывают ему косточки и высказывают такие предположения, от которых волосы становятся дыбом...».

Прибавим к этому шок, пережитый германскими инвесторами после августа 1998 г., и традиционно негативный образ России в германских масс-медиа². Тем самым академический мир Германии оставался не просто самым информированным репрезентантом немцев относительно русских. Здесь важнее, что на шкале «симпатии – антипатии» (с учетом имманентных и глубоко залегших предрассудков) – возможно, он был наиболее толерантным к России.

При анализе интервью А. Здравомыслов пошел по пути контент-анализа текстов, выделения доминирующих тем и узловых высказываний. С моей точки зрения политолога, стоило бы дополнить его биографическим методом, привлекая истории жизни интервьюируемых (CV профессоров обычно свободно лежат на сайтах, а на дополнительные вопросы можно было бы отвести место в Interview Guide). И далее – разбить их на три поколения: те, кто застал 9 мая 1945 в детском или подростковом возрасте; рожденные после войны и узревшие Россию через прорезь прицелов «холодной войны»; младшее поколение, чья учеба и первые исследовательские опыты пришлось на разрядку, горбачевскую перестройку и ельцинское реформирование.

* Цыганков Даниил Борисович, к. социол. н., заместитель декана факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ.

© Цыганков Д., 2003.

© Центр фундаментальной социологии, 2003.

¹ Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. М.: РОССПЭН, 2003. – 544 с., илл.

² Однако никто не поставил вопроса, почему немецкая пресса столь часто печатает материалы, если не по содержанию, то по внутренней интенции смахивающие на мастерские тексты времен Министерства пропаганды Третьего Рейха или «холодной войны» («все дороги марксизма ведут в Москву», из-за стен Кремля на предвыборном плакате ХДС поднимается монстр). Пропагандисты и пиарщики легко передвигали рычажок «антирусский» – «антикоммунистический» туда-сюда. Но здесь есть и экономический аспект: любые СМИ имеют двойную логику структурирования – политическую и экономическую. Зрелый медийный проект, действующий в условиях рынка, должен окупаться; грубо говоря – публиковать то, что желает читать/смотреть/слушать его целевая группа. Пресловутый Katasterofenberichterstattung о России (писанина о катастрофах) – это не столько ксенофобия, сколько банальный маркетинг.

Для «старшего поколения» – поколения Ханса-Дитера Клингеманна и Хайнца Харбаха – шок Сталинграда был освобождающим³, их сердце «бьётся на Восток», а в сотрудничестве с Россией, в частности, в помощи ей, они видят своего рода моральный долг. Но его представители уже ушли на пенсию или уходят в 2000-2005 гг. Да и сомнительно, что чувство вины может служить базисом для долгосрочного сотрудничества.

Отпрыски холодной войны – поколения Клауса Зегберса и Питера Шульце – в последние годы продвинулись вверх в «центрах принятия решения» и «фабриках мысли», и ближайшие годы им не будет «про-русского» противовеса. В поле власти гомологичную им позицию занимают политики, охотно тематизирующие Чечню⁴, рискованность инвестиций в Россию и наступление на «свободу» масс-медиа. Политически надо быть готовым ко всему – от препятствования экономическим проектам России и ЕС (таким, как энергетический альянс или скоростная железная дорога от Лиссабона до Владивостока) вплоть до судебных исков, отталкивающихся от послевоенных событий (депортация немецкого населения, удерживание немецких военнопленных в советских ИТЛ). Это время России придется достойно перестоять.

Третье поколение – поколения Маркуса Кайзера и Петры Штыков – американизованное, ровно дышащее к России⁵; но в них-то и заключается шанс российской политики, правда – лишь в дальней перспективе. Для этого Россия, российские представительства за рубежом, российские бизнесмены должны стать понятными и прозрачными. Пока что «русские» в Германии – это немцы-переселенцы из Казахстана и эмигранты, а вовсе не ученые, работающие там (и платящие налоги, кстати). «Русские» – это бюрократы в посольстве, а не российские потребители, покупающие немецкие товары (и тем самым создающие в Германии новые рабочие места).

Мало проводить «дни», «недели» и «месячники» русской культуры, мало дружить семьями политиков, мало заседать на «Петербургском диалоге», необходимы неожиданные ходы. Например, создать неправительственный фонд, финансируемый российским бюджетом и российскими транснациональными корпорациями, который будет выделять стипендии для молодых западных журналистов и политиков, желающих понять Россию умом.

Исследование А.Г. Здравомыслова не дает однозначного ответа, но – и это может быть важнее – является диагнозом нашего времени.

³Ср. в интервью с Клингеманном: «... я представляю то поколение, которое благодарно за то, что все так, как оно произошло» (с. 226).

⁴ Наиболее ярко у Шульце: «Я очень и очень редко сталкивался с негативным отношением к русским в Германии. Напротив, то, с чем мы сталкивались и сталкиваемся до сих пор в Чеченской войне, это неуважение русских солдат к правам человека, к гражданскому населению» (с. 135).

⁵ О них см. напр. у Надежды Зимон: «Раньше Россия – Советский Союз – был либо страх, либо ненависть, либо любовь. Безразличия не было. А сейчас преобладает безразличие» (с. 311).